

Виктория
Исаева

ПЯТЫЙ ЭТАЖ

18+

Бестселлер

Виктория Исаева

Пятый этаж

«Автор»

2021

Исаева В.

Пятый этаж / В. Исаева — «Автор», 2021

Смерть – не конец. Смерть лишь начало твоей настоящей жизни... Роберт просыпается в незнакомой комнате, понятия не имея, где он и как здесь оказался. Оказывается, он умер. Но после смерти нет ни рая, ни ада, только огромный небоскреб, с бесконечным количеством этажей. Сверху Роберт получает возможность посмотреть на свою жизнь, свое прошлое, свои выборы, отношения с женой и детьми. И эта картина приводит его в такую ярость и разочарование, что он решает сделать то, чего еще никто никогда не делал... Он находит способ сбежать из небоскреба, чтобы воскреснуть в своем старом теле и исправить все ошибки, допущенные в прошлой жизни. Роберт борется с судьбой и системой Вселенной, чтобы воссоединиться с любовью своей жизни и спасти своих детей. Но станет ли его побег началом новой жизни или уничтожит весь мир, земной и небесный? Горько-сладкая история о жизни, смерти, любви, судьбе и вере, выборе и сожалениях. Инструкция к жизни, которую нам не дали при рождении!

© Исаева В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Мы не в Сингапуре	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Виктория Исаева

Пятый этаж

Всем, кто сейчас Дома, посвящается...

Воины знают, что смерть – не враг. Смерть – единственный достойный противник; смерть – единственный, кто бросает нам реальный вызов. Смерть – активная сила, а жизнь – арена ее действия.
Карлос Кастанеда

Глава 1. Мы не в Сингапуре

Еще не успев открыть глаза, Роберт понял, что он не дома. Нет, пожалуй, более мерзкого чувства, чем проснуться утром неизвестного дня в незнакомом месте и без малейшего понятия о том, как ты здесь оказался. Впрочем, в том, что было утро, Роберт тоже не был уверен.

Несколько бесконечно долгих минут он пролежал с плотно сомкнутыми веками, пытаясь снова погрузиться в забытие, но сон не приходил. Скорее наоборот, сознание неумолимо прояснялось и отмечало странные, непривычные, чужеродные детали.

Незнакомые на ощупь простыни, непривычный для его спальни запах жасмина (откуда ему здесь взяться?), неродная подушка (Удобная? Пожалуй. Но не родная).

Роберт протянул руку на другую половину кровати и не нашупал уютно свернувшегося калачиком тела жены. Зато почувствовал, что противоположная сторона кровати смята и еще хранит следы другого человека. Как же он так попал?

В его пятьдесят с хвостиком (из которых он более 20 лет провел в законном браке с прекрасной, невыносимой, любимой, сумасшедшей, бесконечно мудрой и доводящей его до белого каления Маргаритой) он уже довольно давно оставил холостяцкие замашки и не практиковал отвязные гулянки, сопровождавшиеся большим количеством спиртного и последующим съемом легких на передок женщин.

Таковыми похождениями была богата его юность, и он довольно быстро пресытился проживанием жизни. В последний раз такое случилось с ним лет в двадцать пять, и, кажется, утреннее лицо тогдашней подружки нанесло ему такую психологическую травму, что он поклялся больше не исполнять подобных номеров. Так как же его сюда занесло?

Собравшись с духом, Роберт открыл глаза. Взгляд сфокусировался не сразу. Полумрак комнаты резко контрастировал с проникающим сквозь жалюзи ослепительным лучом света, который освещал лишь небольшую часть помещения. Когда глаза немного привыкли, Роберт понял, что лежит в абсолютно незнакомой ему комнате, похожей на номер дорогого отеля. Безупречный интерьер в серо-сливовых тонах, дорогая авангардная мебель – такую скорее встретишь в галереях Сан-Франциско, чем в мебельном магазине, цветы в причудливых вазах – просторный съют в стиле фьюжен скорее испугал, чем восхитил его.

Может, он в Сингапуре?

Хотя с чего он это взял? Роберт и в Сингапуре-то толком никогда не был. Если не считать тридцатичасовое пребывание в сингапурском дьюти-фри, где он в основном пил ром вместе со случайными попутчиками, которые постоянно менялись.

Это был один из лучших отпусков, который был у них с Маргаритой. Сначала неделя в Гонконге, а потом еще неделя на изрядно надоевшем острове Пхукет. Из Гонконга в Таиланд летели с пересадкой в Сингапуре, чему Маргарита несказанно обрадовалась:

– Целых двадцать часов пересадки, представляешь? То есть мы еще успеем погулять по Сингапуру. Правда, здорово?

Роберт так не считал. Роберт считал маразмом любые пересадки, осложнения маршрута и отклонения от заранее спланированного графика. А уж пересадки длиной в двадцать часов для него и вовсе были эквивалентом китайской пытки водой. Мысль о том, чтобы выйти из нейтральной зоны, непонятно как добираться из аэропорта в незнакомый город, бродить по нему в сорокаградусную жару с чемоданами, а потом снова нестись в аэропорт, чтобы успеть на рейс, вызвала у него немедленный приступ мигрени, акклиматизации и жесткого желания выпить.

Маргарита, которая после сорокового дня рождения стала еще более безбашенной и жадной до жизни, отправилась в город одна на поиски впечатлений и приключений. А Роберт

не без тайного чувства облегчения остался в прохладном и приветливом баре сингапурского дьюти-фри.

Жажда жизни, которая бурлила в его жене, восхищала и ужасала его одновременно. С одной стороны, она вся была фонтаном идей, фейерверком эмоций, водопадом безумных эскапад и лавиной прелестных историй. Она жила так, словно хотела вляпаться в каждую лужу, побывать в каждой передрыге, пережить каждое возможное приключение, чтобы потом неторопливо смаковать его тихими уютными зимними вечерами.

Когда он был с ней, постоянно что-то случалось. И это вызывало в Маргарите поистине детскую радость, а в нем – тихое бешенство.

Она теряла чемоданы. И улетала не в те страны, куда предполагалось. (Ну кто еще мог похвастаться историей, чтобы самолет, летевший в одну страну, в итоге посадили в другой? А вот она могла!) Она путала автобусы и приезжала на другой конец страны. Сводила знакомства с асоциальными типами, выходцами из гетто, азиатскими проститутками, латиноамериканскими наркоторговцами, пенсионерами из Европы, полисменами из Канады и вообще охотно общалась и сближалась со всеми, с кем сталкивала ее бестолковая судьба. Моментально и бесстрашно распахивая сердце перед первым встречным.

Так что Роберт с легким сердцем отпустил ее гулять по Сингапуру, твердо зная, что она непременно во что-то впутается, но благодаря богатому опыту легко выберется из собственно-ручно созданной проблемы да еще и получит от этого удовольствие. Он же намеревался получить удовольствие от пряного рома, который в последнее время пил крайне редко (соблюдал спортивный режим).

В итоге рейс отложили, Роберт успел напиться, на повышенных тонах обсудить политическую ситуацию в мире с какими-то заезжими американцами, затем успокоиться, отполировать ром пивом, перейти к более мирным спорам о хоккее, побрататься с американцами, вздремнуть, купить себе странный парфюм в дьюти-фри, который на поверку оказался женским.

Маргарита за то же время успела обойти весь центр, помедитировать на траве в ботаническом саду, потанцевать в барах Clarke Quay, познакомиться с какими-то молодыми хипстерами-тусовщиками неопределенной нации, отправиться к ним на вечеринку в шикарный отель (как же он назывался?). Этот отель окончательно добил Маргариту. Она заявила, что ничего прекраснее в жизни своей не видела. И что если рай будет выглядеть не как этот отель, она будет сильно разочарована.

Она фотографировала каждый уголок этого отеля до тех пор, пока не забила память на iPhone и чуть было не опоздала на рейс.

– Какой ты дурак, что не поехал со мной! – повторяла она ему вновь и вновь. – Если бы ты только видел этот отель! Вот бы мы могли остановиться в нем на недельку!

Годами она мечтала вернуться в Сингапур и пожить в том самом отеле – Marina Bay Sands – название внезапно всплыло в памяти Роберта!

Маргарита даже вешала фотографии отеля на свой плакат желаний (или как там эти пройдохи-психологи называют куски бумаги с фотографиями роскоши, которую доверчивые простаки старательно клеят, но никогда не получают?).

Роберт приподнялся на локтях. Изучая номер, в который его занесло, Роберт потянулся за бутылкой воды на прикроватной тумбочке, хотя пить на самом деле не хотел.

Роберт всегда считал, что не способен упиться до состояния полной амнезии. Да и похмелье вроде не мучило. Надеясь получить хоть какую-то зацепку, Роберт изучил этикетку на бутылке с водой. Но рассмотрел лишь неброскую маркировку «The 5th floor». Такого бренда он не знал. Вода, впрочем, была очень вкусная, с едва уловимым сладким привкусом. Таковую он пил лишь однажды на Байкале. А точнее, из Байкала, черпая железной кружкой прохладную воду бездонного озера.

«А может, это чей-то розыгрыш? – подумал он невесело. – Но какой засранец посмел? Ведь все, абсолютно все, кого я знаю, в курсе, как я ненавижу розыгрыши... и сюрпризы... и русский рэп... и женщин, носящих угги, а еще больше мужчин, носящих угги».

Рядом с бутылкой воды на тумбочке лежал блокнот для записей, все с тем же логотипом «The 5th floor», и навороченный пульт, как на заказ созданный для лентяев, не способных даже зад почесать без помощи высоких технологий.

Роберт взял пульт и несколько минут тупо пялился на него, пытаясь разобраться в стройных рядах кнопочек и сенсорных панелек. Нашупав колесико «louvers», он осторожно, словно это могла быть кнопка для сброса ядерного оружия, начал вращать его. Жалюзи откликнулись и начали плавно открываться, наполняя комнату ослепительным солнечным светом, какой бывает лишь в жарких тропических странах по утрам.

Теперь Роберт видел не только очертания, но и весь интерьер номера (а он больше не сомневался, что находится в пятизвездочной гостинице, в каком-то из азиатских мегаполисов, вроде Куала-Лумпура, Шанхая или Сингапура). Он был почти уверен, что если подойдет к окну, то ему откроется потрясающий вид на каменные джунгли, который можно увидеть, только остановившись в небоскребе.

Роберт повернулся к окну и остолбенел... Только сейчас он увидел, что на противоположной части его бредово гигантской кровати лежал... *другой мужчина!*

Мужчина?! От неожиданности у Роберта буквально упала челюсть и перехватило дыхание. Незнакомец был молод. Чуть старше тридцати. Яркая внешность плейбоя с неизменными осветленными художественно растрепанными волосами, загаром бездельника-серфингиста и телом Аполлона. К счастью, он был полностью одет (белая обтягивающая майка и голубые вытертые джинсы).

Незнакомец не спал. Он лежал с наглой довольной улыбкой и смеющимся взглядом наблюдал за Робертом. И, как ни странно, Роберт почувствовал смесь раздражения и облегчения. Потому что, с одной стороны, было абсолютно очевидно, что незнакомец – кретин и засранец. А с другой стороны, этот засранец явно был в теме. Он знал, где они, что они здесь делают и как они здесь оказались. И Роберт рассчитывал выбить из него все необходимые ответы минут эдак за пять.

– Hola, amigo! Que tal? – прервал молчание незнакомец, все так же ухмыляясь одним уголком рта.

Роберт промолчал, разрываясь между желанием немедленно на ломаном испанском выяснить, что произошло, и желанием просто и без затей послать парня пешим эротическим маршрутом.

– Что, не помнишь ничего? Небось, пытаешься понять, как ты тут оказался? – спросил наглец, дружески подмигивая.

– Вообще-то, пытаюсь понять, где я, – глухо ответил Роберт, осознав, что враждебность ему не поможет.

– Ты на Пятом этаже, – сообщил незнакомец так, словно поздравлял Роберта с чем-то, – по мне, так на лучшем этаже! Выше уже скучновато, внизу беспокойно. А здесь все идеально. Здесь можно застрять хоть на тысячу лет и ни разу не заскучать, сечешь, о чем я?

– Не совсем... – Роберт потер лоб, пытаясь отогнать подступающую мигрень. – Что значит на пятом этаже? Пятом этаже чего?

Незнакомец слегка нахмурился.

– Ты что, совсем не в теме? Вообще не врубаешься, что произошло?

– Нет.

– И меня не помнишь?

– Прости, но почему я тебя должен помнить? Я тебя первый раз в жизни вижу, и ты мне не нравишься.

– Да брось! – незнакомец рассмеялся, обнажая в улыбке белоснежные зубы. – Это тебе сейчас так кажется. А если подумать? Голос мой ничего тебе не напоминает?

Роберт сосредоточенно наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

Голос незнакомца и впрямь казался знакомым: чуть хрипловатый, дразнящий, издевающийся. Голос провокатора.

А может, он один из случайных попутчиков? Кто-то из тех, с кем он пил в баре в аэропорту Сингапура (а Роберт почему-то все еще цеплялся за спасительную мысль, что он в Сингапуре!). Сколько же их было, одноразовых собутыльников, всех мастей и национальностей. Наверняка это один из них! Впрочем, где-то в глубине души Роберт понимал, что такого кадра он запомнил бы в любой стадии опьянения. Он решил перехватить инициативу:

– Мужик, кончай комедию ломать! Где мы и как мы здесь оказались?

Боюсь, тебе такую информацию без бутылки рома будет сложно переварить, – усмехнулся он и, бодро подскочив, пружинистым шагом направился к бару, располагавшемуся в противоположном конце комнаты. – Тебе, как обычно, красный с пряностями? Или могу смешать мохито с клубникой, как любит Марго.

Упоминание имени жены заставило Роберта похолодеть.

– Кто ты такой? – спросил он, чеканя каждое слово.

– Я твой амиго! – беззаботно отозвался незнакомец. – Можешь называть меня Ариэль Диаз. Имя, конечно, не мое, но мне оно всегда нравилось. Эффектное. Харизматичное. Подходит мне на сто процентов.

– Откуда ты знаешь мою жену?

– Скажем так, долго наблюдал за ней. Она весьма интересная леди, верно? – подмигнул Ариэль, демонстрируя ямочки на слегка небритой щеке.

– Это не ответ.

– Может, ты просто задаешь неправильный вопрос?

– Где моя жена?

– Не знаю. Наверно, дома. Или гуляет по берегу. Или в парке занимается тай-цзи. Мне-то откуда знать?

– Я хочу ее увидеть.

– Увидишь потом.

– Я хочу ее видеть сейчас.

– Не получится.

– Почему?

– Потому что такие правила. Дурацкие, согласен. Но не я их придумал. Ладно, как бы там ни было. Сейчас мы отдохнем, расслабимся. Придем в себя. А потом можно будет и прогуляться, ты согласен? А если хочешь видеть жену, я препятствовать не стану, наоборот, помогу обойти всякие дурацкие запреты. В конце концов, кто никогда не нарушает правил, тот, считай, и не живет!

«Кто никогда не нарушает правил, тот, считай, и не живет» – что-то ослепительной вспышкой взорвалось в голове Роберта, что-то мучительно знакомое. Кто не нарушает правил, тот просто не живет. Он где-то слышал эти слова, сказанные этим голосом. Черт, он слышал их в своей голове!

Именно это он себе говорил, когда назначал свидание Веронике из отдела маркетинга (и чувствовал потом глубочайшее омерзение от самого себя). И когда забивал на диету, съедая огромный Биг Тейсти с большой порцией картошки фри. И когда разворачивался через двойную сплошную. И каждый раз в голове у него звучал именно этот голос, хрипловатый и насмешливый голос провокатора. Голос Ариэля, или как там на самом деле зовут этого ублюдка?

– Кто ты? – голос Роберта прозвучал очень тихо, но он все равно не смог скрыть охватывающего его ужаса.

Ариэль как будто сжалился над ним и, на минуту посерьезнев, щедро плеснул ему красного рома.

– Я все-таки налью тебе выпить. Ты аж побелел, бедняга... Вот она, беда людей, лишенных воображения: стоит случиться малейшему форс-мажору, который они не способны контролировать, как они абсолютно слетают с катушек.

Он протянул Роберту ром, и тот недоверчиво понюхал его. Пахло изумительно. Солнцем, и цитрусом, и сладкими пряностями. Роберт поколебался: с одной стороны, он принципиально не пил с утра. С другой стороны, он вообще не был уверен, что сейчас утро, а если и утро, то по какому часовому поясу? Он поднес стакан к губам.

– Я бы на твоём месте это не пила, – услышал он приятный женский голос.

Подняв глаза, он заметил на пороге девушку. На вид лет тридцати с небольшим. Блондинка со светлой кожей и бледно-голубыми глазами. Волосы длинные, распущенные, чуть вьющиеся, словно она недавно купалась в море и локоны высохли в беспорядке. На ней было кремовое шифоновое платье в пол на тонких бретелях. От ее тела веяло неземной хрупкостью, она казалась невесомой.

Красивая? Пожалуй. Но не во вкусе Роберта. Его всегда тянуло к ярким и эффектным, с чуть тяжеловатыми чувственными формами, с чертовщинкой в глазах и заразительным смехом.

– Кто вы? – спросил Роберт требовательно и прямо. Он устал от иносказаний.

– Ты ничего не помнишь? – На лицо блондинки легла тень беспокойства. – Как давно ты проснулся?

– Да брось, Агнесс! Он всегда был тугодум. Лично я знал, что он сначала сто лет не догонит, где он, а потом еще лет двести не будет верить в то, что случилось. И будет думать, что мы его разводим, – встрял Ариэль, вольготно раскинувшись на кровати прямо в кроссовках. – И, кстати, если ты не будешь, приятель, то я выпью. – Ариэль потянулся за стаканом рома. – Ненавижу, когда продукты попадают.

– Я тоже, – невольно согласился Роберт, задумчиво рассматривая красноватую жидкость в бокале, переключавшем в руки Ариэля.

Это была чистая правда. Даже будучи вполне обеспеченным человеком, Роберт почему-то не мог смотреть, как переводят или выбрасывают еду. Он ненавидел шведские столы на курортах из-за объедков, которые оставляли за собой туристы, сначала наполнявшие свои тарелки всем, что попадалось на пути, вопреки здравому смыслу, оголтело набивая свои животы по принципу «не съем, так понадкусываю». Ему невыносимо было смотреть, как официанты счищают и выбрасывают с грязных тарелок объедки. Он всегда заставлял детей доедать все, что они положили. А если они все-таки не доедали, доедал за ними сам. Отчего и набрал пять лишних кило, от которых было невыносимо тяжело избавиться, несмотря на ежедневные пробежки и регулярные посещения тренажерного зала. Маргарита смеялась над этой его особенностью и говорила, что он не умеет жить в изобилии. А ему казалось, что окружающие непомерно беспечны и расточительны.

– Так все-таки где мы, Агнесс? – обратился Роберт к блондинке. – Скажу как есть: я ни черта не помню. И это не самое приятное ощущение, Агнесс. Так что если вы все сговорились, чтобы сделать мне сюрприз или устроить какое-то, прости Господи, приключение, квест – или как там называется вся эта ботва – то скажу вам сразу: мне это не по душе.

Агнесс мягко улыбнулась, но что-то в ее взгляде Роберту не понравилось. У нее было выражение лица как у мамы, собирающейся сообщить сыну, что Деда Мороза не существует. И еще непонятно, кого эта новость опечалит больше: ребенка или взрослого. Хотя, возможно, Агнесс была просто подставной актрисой и ее поведение было частью сценария.

Роберт никогда особо не разбирался в людях, хотя и пытался изо всех сил доказать обратное. Но он слишком цеплялся за внешние признаки, увязая в мелочах и не понимая сути чело-

века. Маргарита же, напротив, обладала даром заглядывать в душу незнакомца и видеть его истинную природу сквозь все социальные маски.

– Роберт, – Агнесс подошла к нему и грациозно присела в изящное современное кресло у его кровати, – попробуй вспомнить, что с тобой случилось? Закрой глаза и постарайся увидеть последнее, что ты помнишь.

«А может, я в больнице? – мелькнуло у Роберта в голове. – Я попал в аварию и потерял память. В кино всех пациентов с амнезией после аварии обязательно спрашивают, что они помнят. Но, если так, почему у меня такая шикарная палата? Наверно, я не просто попал в аварию. Меня сбили».

Роберт присел на кровати и невидящим взглядом уставился в окно, но в голове его шестеренки защелкали с неведомой скоростью.

Обычная история. Какой-нибудь ублюдок с корочкой и мигалкой сел пьяным за руль, выехал на встречку и влетел в меня. А теперь его прислужники судорожно пытаются сгладить ситуацию. Шикарная палата, ром, милая блондиночка-доктор.

А может, она и не доктор вовсе, а адвокат, который выясняет, что я помню. А может, они вообще решили повесить эту аварию на меня? Запись с дорожных камер мистическим образом исчезнет. Свидетелей либо нет, либо они их уже подкупили.

А ром!!! Ну конечно, кто будет предлагать пациенту ром в больнице? Только тот, кто собирается задним числом провести медицинское освидетельствование. Все сходится. В конце концов, разве такие истории не случаются каждый день?

«Мне бы только дождаться, когда они уйдут, и найти какой-нибудь телефон, чтобы позвонить Маргарите», – думал Роберт, и хотя ситуация его была невеселой и даже весьма серьезной, какая-то часть его испытывала облегчение просто от ПОНИМАНИЯ того, что с ним произошло. Он быстро оглядел номер. Телефона нигде не было видно.

– Что-нибудь нужно, приятель? – лихо опрокидывая в себя остатки рома, Ариэль хитро подмигнул и улыбнулся. – Ты только намекни, я тебе все что хочешь здесь достану.

– Мне бы телефон, – аккуратно попросил Роберт, смеряя то Ариэля, то Агнесс испытующим взглядом.

– Нет проблем. – Ариэль полез в задний карман джинсов и протянул ему смартфон с яблоком Apple на задней крышке.

Роберт с недоверием повертел аппарат в руках.

– Это что, iPhone?

– Он самый! 20-я модель, – не без гордости заявил Ариэль.

– Такой iPhone еще не вышел, – отрезал Роберт. – Тебя развели, приятель, это китайская игрушка.

– Сам ты игрушка! – обиделся Ариэль. – Это для вас, нищелюбов, любой айфон – все равно что восьмое чудо света, а для человека со связями вроде меня это просто трубка, по которой я уже полгода разговариваю.

– А я и не говорю, что китайские телефоны плохие. – Роберт испытал нескрываемое удовольствие от того, что ему удалось поддеть наглеца, он решил закрепить моральное преимущество: – Я тоже сыну в университете дарил китайский телефон. У него тогда не лучшие времена были, вел себя как баран: регулярно напивался и терял смартфоны в барах, клубах, на квартирах случайных подруг. А порой просто разбивал в драке. Вот я и купил ему сразу пару китайских смартфонов, чтоб не жалко было. И знаешь, в чем ирония? С этими китайскими трубками он проходил очень долго. И в бассейне их топил, и ронял, и швырял – хоть бы хны. Так что ты не расстраивайся, что iPhone паленый. Может, так оно и лучше. Дольше прослужит.

– Много ты понимаешь, – Ариэль раздосадованно махнул рукой. – Да у меня на коробке подпись Стива Джобса.

И Роберт не смог удержаться от смеха. Он был серьезным человеком и чувством юмора никогда не блистал. Но тут просто не выдержал. То ли от напряжения, в котором он пребывал последние полчаса, то ли потому что это и впрямь было смешно, он расхохотался и смеялся долго, истерически, пока под ребрами не закололо, а на глазах не выступили слезы.

Агнесс и Ариэль молча смотрели на него, иногда переглядываясь, но по их вымученным улыбкам Роберт догадался, что что-то не так. Они не юристы какого-нибудь обуревающего депутата, не поверенные зажавшегося олигарха, разъезжающего пьяным по встрече. Может, они психиатры? И проверяют, насколько он вменяем? И, судя по взглядам, которые они на него бросали, тест на вменяемость он пока проходит неважно.

– Ты, может, не в курсе, парень, но Стив Джобс умер, – пояснил Роберт Ариэлю, утирая слезы и откашливаясь, от бурного смеха у него разболелся бок, – так что получить автограф Стива Джобса – это примерно так же нереально, как двадцатый айфон.

– Если только ты не был его соседом по этажу... – начал было Ариэль, но Агнесс нетерпеливо одернула его.

Впрочем, Роберт уже понял, что наглый блондин принадлежит к тому ненавистному для него типу людей, которые будут до хрипа доказывать всем, что Земля плоская, даже если все факты указывают на обратное. В конце концов они заставляют всех признать свою правоту, и все соглашаются: да, это действительно настоящий двадцатый айфон с настоящим автографом Стива Джобса, не потому что искренне поверили в это, а потому что просто выдохлись и истратили все логические доводы.

Марго всегда считала, что в общении с такими людьми гораздо проще подыграть, чем пытаться доказать правду. Но Роберт был слишком нетерпим к патологическим врунам и хвастунам. И обычно каждый такой спор вел не на жизнь, а на смерть до полного морального и социального уничтожения соперника.

– Нет, прошу тебя, говори! – Роберт уже завелся и не собирался спускать дело на тормозах. – Мне искренне интересно продолжение этой удивительной истории. Стив Джобс умер раньше, чем вышел 6-й айфон. Я действительно жажду узнать, каким образом ты заполучил 20-й айфон с его автографом. Это ж какими связями нужно обладать?

– Ты действительно считаешь, что сейчас это важно? – тихо спросила Агнесс, и Роберт вдруг почувствовал неимоверную усталость. Она обратилась к нему так спокойно и вдумчиво, что он невольно осознал: вся его жизнь не более чем череда бессмысленных споров: с женой, с детьми, с коллегами, с самим собой (особенно с самим собой).

– Нет, это действительно неважно, – сказал Роберт и потянулся к так называемому айфону. – Короче, ребят, где бы мы ни были и что бы все это ни значило, просто назовите адрес, я позвоню жене и попрошу, чтобы она забрала меня отсюда.

– Боюсь, этого ты не можешь сделать, – Агнесс грустно улыбнулась и положила прохладную ладонь на его запястье.

– Могу, – упрямо возразил Роберт и немедленно защелкал клавишами айфона, чтобы разблокировать экран. По привычке он набрал цифры, дату своего рождения, но не успел осознать, что телефон-то не его и пароль должен быть другим, как вдруг экран ожил. Роберт не стал тратить время на обдумывание этого непонятого совпадения и поспешно набрал номер жены, 11 цифр, которые он знал наизусть. Но трубка отозвалась хладнокровным «Неправильно набран номер». Он попытался еще раз, лихорадочно соображая, что, может, он все-таки в другой стране, а у телефона что-то не в порядке с роумингом.

Агнесс и Ариэль наблюдали его тщетные попытки: Ариэль – с неприкрытым самодовольством, а Агнесс – с тревогой. Она кусала побелевшие губы, и по выражению ее лица Роберт не мог понять, чего она больше боится: того, что он сумеет дозвониться, или того, что не сумеет. В конце концов он выдохся, отложил телефон и понял, что дышит громко, как загнанная лошадь. На лбу выступили капли пота, но он не стал их вытирать, чтобы не выдать своего отчаяния.

– Роберт, – Агнесс налила ему стакан воды и придвинулась ближе, – давай начнем сначала. Подумай хорошенько. Что последнее ты помнишь?

Роберт залпом осушил стакан с водой и в изнеможении откинулся на подушку.

«Думай, – приказал он себе, – просто думай. Вспоминай».

Он закрыл глаза и сжал пальцами виски...

* * *

Была обычная суббота. Они с Маргаритой сидели в просторной светлой кухне-столовой в ожидании семейного бранча. Был чудесный майский погожий день. Тот самый волшебный момент, когда солнце впервые начинает греть по-настоящему, а деревья в саду зацветают словно все разом, наполняя воздух пьянящими ароматами и предвкушением скорого лета.

Но Роберт был не из тех людей, которые, идя по улице, останавливаются, чтобы понюхать кусты жасмина. Он сидел за столом, уткнувшись в свой мобильный, рассеянно пробегая взглядом ленту новостей и полностью игнорируя буйство красок за окном. Майское солнце коснулось его щеки через стекло, но он лишь поморщился и в который раз подумал о том, как нелепо построен их дом! Огромное окно в пол превращало их гостиную в парник. С началом лета находиться здесь становилось невозможно из-за жары, от которой не спасали даже кондиционеры. Он нехотя встал и не без раздражения закрыл жалюзи, отчего солнечный свет перестал струиться на пол и слепить ему глаза.

Маргарита едва заметно поджала губы, но промолчала. И, надевая на лицо улыбку мудрой и понимающей жены, подошла к нему с ароматной туркой.

– Имбирный раф, – объявила она не без гордости, наливая в его чашку благоухающий напиток. Обычно кофе варил Роберт. И для нее приготовление рафа с сиропом, как в кофейне, было настоящим достижением.

Но Роберт молча, не отрывая глаз от айфона, покачал головой.

– Лучше чай, кофе вреден.

– Ты же любишь кофе.

– А перепады гипертонию не люблю. Не знаю, в курсе ты или нет, но резкие скачки артериального давления приводят к легкому приступу смерти.

Маргарита невесело усмехнулась и налила ему чай.

– Я думала, жизнь рано или поздно приводит к легкому приступу смерти. Никогда еще не слышала, чтобы кто-то жил вечно благодаря тому, что пил чай, а не кофе.

Роберт собирался было возразить ей и даже уже набрал воздух в легкие, но тут на кухню вошел Фил.

Он явно был с похмелья, впрочем, как и всегда. Но в двадцать лет даже раскальвающаяся голова и лютый сушняк – это не повод для плохого настроения.

Фил засунул пятерню в растрепанные, выгоревшие на солнце волосы, рассеянно почесал плоский живот. Кое-как сфокусировал взгляд на Роберте, прохрипел:

– Привет, пап, – и вальяжно прошествовал к холодильнику.

Роберт ощутил новый приступ раздражения. Сын был его позором и разочарованием, его личным фиаско, его самой большой головной болью.

Он рос таким милым, обаятельным и одаренным мальчиком. Все, за что Фил брался, получалось у него легко и играючи. В какую бы секцию его ни приводили, он везде показывал блестящие результаты и мгновенно становился лидером и всеобщим любимчиком. Он быстро бегал, он очень прилично играл в футбол, легко схватывал иностранные языки, талантливо играл в шахматы, ловко управлялся с математикой и интересовался историей.

Роберт строил на его счет огромные планы, но что-то пошло не так...

Лет в 12 Фил начал бунтовать. Прогуливать школу, бросать кружки, тусоваться в сомнительных компаниях. В ответ на попытки вразумить его он отвечал, что не собирается тратить свою единственную жизнь на «весь этот бред». Бредом ему, похоже, казалось все, кроме его дебиловатых дружков, компьютерных игр и курения сигарет в рошице на берегу реки.

Маргарита, вооружившись томами психологических книг и поистине ангельским терпением, утверждала, что это просто период, подростковый максимализм, сепарация от родителей. Что нужно постараться принять его таким, какой он есть, и с пониманием отнестись к его выходкам, и очень скоро он придет в себя и возьмется за ум.

Но его бунт продолжался, а протест прогрессировал! Компьютерные игры плавно сменились азартными, к сигаретам незаметно добавился алкоголь, а с 16 лет и легкие наркотики. («Легкими» их мысленно называл Роберт, чтобы успокоить себя и убедить в том, что он не полностью провалился как отец.)

К двадцати годам Фил окончательно вышел из-под контроля. Он вылетел из трех университетов, куда Роберт всеми правдами и неправдами запихнул его на реабилитацию. Попробовав работать и быстро бросив это бесперспективное занятие, Фил жил с родителями. Хотя мог сутками пропадать у своих дружков и бесчисленных подружек.

Роберт старался его воспитать, но каждая новая попытка приносила все более и более плачевный результат.

Когда Филя устроили работать торговым представителем в алкогольную компанию, он в первый же месяц спер (а по его версии, одолжил в счет будущей зарплаты) выручку от клиентов и ушел в жестокий загул. Роберт, разумеется, закрывал его долг, чтобы служба безопасности не заводила на него дело.

Когда Филя попытались выгнать из дома, он быстро нашел влюбленную девушку, готовую его приютить и обогреть. Роберт почти не удивился, когда узнал, что девушка оказалась кавказских кровей, и очень скоро серьезно настроенные родственники заявили к Роберту на порог с требованиями женить/платить / наказать блудного сына.

В общем, к 21 году Роберт сдался. Он признался себе, что сын всегда будет бельмом на его глазу. И махнул на него рукой, терпя присутствие Филя в своем доме. Стыдясь его, ненавидя его каждый раз, когда он попадал в очередную передрыгу, вина себя и злясь на жену, которая продолжала его слепо любить и оправдывать.

Фил порыскал в холодильнике в поиске пива, но, видимо, из уважения к матери, которая одарила его светящейся улыбкой (улыбкой, которую она никогда не дарила Роберту), Фил ограничился апельсиновым соком, который налил себе в бокал со льдом и ушел пить на террасу.

Маргарита села напротив Роберта с чашкой кофе.

– Ты занят? – спросила она, подпирая щеку рукой.

– Да нет... А что?

– Может, поговорим?

– О чем? – моментально напрягся Роберт, последнее, к чему он был физически, морально или ментально готов в субботу с утра, – это разговоры по душам. – Что-то случилось? – уточнил он.

– Да нет... А разве мы можем говорить, только когда что-то случается? Разве нельзя просто поболтать о... ну, я не знаю... о соседской собаке, о жизни на Марсе или о теории заговора?

– О теории заговора? – переспросил Роберт и устало потер переносицу, только этого ему не хватало.

– Ну да, – Маргарита принужденно рассмеялась. – Тебе не кажется странным, что мы знакомы уже почти тридцать лет, но я даже не знаю, что ты думаешь по поводу убийства Кеннеди?!

– Для меня странно, что тебе в принципе приспичило обсудить смерть Кеннеди в субботу с утра, – буркнул Роберт и тут же, отложив телефон, перешел в наступление: – В чем дело, Рит, ты думаешь, у нас проблемы? Нехватка качественного общения или как там это называют твои пройдохи-гуру?

– Просто давно не разговаривали, – тихо и спокойно ответила она и улыбнулась. – Мне не хватает общения с тобой.

– Не выдумывай. Мы постоянно общаемся.

– Да. По поводу кофейных фильтров, и ремонта в спальне, и долгов Филя или нового бойфренда Кристины. Только мне этого не достаточно!

– Да неужели?! – Роберт почувствовал, что закипает. – И кто в этом виноват? Плохой муж, который из кожи вон лезет, чтобы выполнить все твои капризы и желания, но почему-то не хочет обсудить с тобой колонизацию Марса? Знаешь, в чем проблема? В тебе! И в твоих вечных заморочках на тему личностного роста. После каждого очередного ретрита на Бали, или паломничества в Тибет, или кундалини-йоги в Индии ты приезжаешь с вывернутыми наизнанку мозгами, начинаешь трахать мне голову и изо всех сил чинить то, что и так отлично работает!

– Если что-то работает для тебя, это еще не значит, что оно работает и для меня, – тихо, но уверенно сказала Маргарита. – Почему, ты думаешь, я продолжаю ездить на все эти тренинги и ретриты?

– Потому что все эти доморощенные гуру отлично владеют техниками зомбирования и свои йога-туры скучающим домохозяйкам влет продают?

– Я просто хочу быть счастливой, – отрезала Маргарита, и лицо ее стало непроницаемым, словно она закрылась от него в собственном царстве мыслей и сожалений.

Роберту стало больно. И от того, что он был груб, и от того, что жена явно расстроилась.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он напряженно. – Ты со мной не счастлива?

Звонок в дверь спас Маргариту от необходимости озвучивать неудобную правду, которую они оба знали, но старательно обходили молчанием последние лет семь их совместной жизни. С извиняющейся улыбкой она встала и пошла открывать дверь Кристине.

Их дочери было 27 лет. Она была умницей, хотя и чрезмерно тщеславной. Настоящее дитя поколения Y, свято верящее в то, что она особенная и заслуживает всего самого лучшего только потому, что родилась на свет. Впрочем, это наивное убеждение не помешало ей сделать карьеру интернет-маркетолога в известном медиахолдинге.

Кристина была миллениалом в лучшем и худшем смыслах этого слова. Она общалась исключительно с себе подобными: хипстерами либо блогерами. Литрами пила обезжиренный латте макиато на бесконечных переговорах. Смотрела House of Cards и Billions в оригинале. Презирала людей, берущих ипотеку и отдыхающих в Египте.

Сама жила в Москве в съемной двушке на Киевской и мечтала об апартаментах в Москва-Сити тысяч эдак за пятьсот в месяц. Ездила на Mercedes GLA. Щеголяла сумкой Fendi и туфлями Valentino.

Периодически ругала корпоративную культуру и грозилась бросить все к чертям, стать фрилансером и предаться дауншифтингу где-нибудь на островах Таиланда или Филиппин. Но была слишком одержимым трудолюбом, чтобы прожить в тропическом раю дольше двух недель.

У нее были длинные прямые платиново-белые волосы, за которыми она фанатично ухаживала в лучших салонах столицы, спуская на свои локоны по ползарплаты. А всевозможные аппаратные процедуры и инъекции красоты Кристина получала бесплатно, как и многие девушки, трудящиеся в индустрии всемогущего глянца.

К своим 25 годам ее и без того безупречно гладкая кожа была обколота, облагорожена и отполирована сверх всякой меры. В результате чего Кристина уже не совсем походила на

живого человека, скорее на прекрасный оживший манекен или фотомодель, шагнувшую прямо с офотоплавленной обложки на грешную землю и еще не испытавшую соприкосновения с реальной жизнью.

Но все это не имело для Роберта никакого значения. Он фанатично обожал дочь. Она была его копией, его допфельденгером, его женским воплощением. Хладнокровная и уравновешенная, расчетливая и рациональная, умеющая рисковать, но рисковать не по-детски, а продуманно. Кристина была человеком разума и логики, а не эмоций. Она была женщиной, наделенной всеми основными мужскими достоинствами. *Это делало ее жесткой*, но бесконечно привлекательной и, бесспорно, заслуживающей большого уважения.

Маргарита любила дочь, но не находила с ней общего языка. Слишком уж разными они были в своих целях и ценностях. Маргарите казалось, что ее девочка спускает жизнь на бессмысленную погоню за деньгами и статусом. Кристине мать казалась слишком мягкой, бесхребетной и безнадежно отставшей от жизни. Периодически она начинала разговаривать с ней в покровительственном тоне или откровенно потешаться над ее устремлениями.

Вот и сейчас, бегло чмокнув мать в щеку, Кристина бросилась в объятия отца, и впервые за день у Роберта на душе потеплело. Будучи людьми сдержанными, они с Кристиной редко позволяли себе проявления чувств. Разве что друг с другом...

Маргарита позвала Фила, и они все сели за стол. Их субботние семейные бранчи были традицией. Как и большинство традиций, из хорошей идеи через какое-то время они превратились в непростое испытание. Слишком уж полярные люди собирались за столом. И каждый такой бранч превращался в дипломатические переговоры или словесные дуэли, столкновения противоположных взглядов на мир.

Сегодня за столом беседу направляла Кристина. Она недавно вернулась из Флоренции, где ее рекламодатель устроил закрытую презентацию новых духов для блогеров. На обратном пути Кристина заехала в Милан и благодаря знакомой блогерше-инстаграмщице попала в аутлет на распродажу для байеров. Затарившись кроссовками Dolce & Gabbana, сумочками Gucci и прочими фетишами тяжелого люкса, она вернулась в Москву и тут же попросила продвижения по карьерной лестнице. Начальник не планировал ее повышать, но Кристина умела надавить на нужные кнопки, а потому была уверена, что новая должность у нее в кармане.

– А после Нового года хочу поменять машину, – завершила свой монолог Кристина и удовлетворенно улыбнулась. – Не знаю, как дела могут идти еще лучше!

В разговор вступил Фил. Они с сестрой не были особо близки. И в этом – с горечью осознал Роберт – есть и его вина. Слишком уж часто он их противопоставлял друг другу. Слишком откровенно гордился дочерью и слишком демонстративно ставил ее брату в пример. В результате Кристина считала Фила недочеловеком и слегка презирала за бесцельную и бессмысленную жизнь. А Фил не упускал случая побольнее задеть сестру и поставить ее на место. Вот и сейчас, обаятельно улыбнувшись, Фил сладко проворковал:

– По-моему, твои дела могут идти еще лучше! Если, например, ты найдешь себе горемыку, который будет трахать тебя чуть дольше недели...

– Фил, перестань, это грубо! – резко оборвала сына Марго. В глубине души она была уверена, что все карьерные успехи дочери – всего лишь бегство от одиночества и неудач на личном фронте. Ибо Кристина была из тех девушек, которые ловко завоевывают мужчин, но совсем не умеют их удерживать.

Ей не хватало мягкости и гибкости, она не признавала компромиссов. И до сих пор у нее, похоже, не было ни одних здоровых и сколько-нибудь серьезных отношений.

– Да брось, мам, – беззаботно парировал Фил, – я уверен, Кристина слишком умна, чтобы обижаться на горькую правду. Верно, сестра?

– Верно, – легко согласилась она, по-видимому, ничуть не обидевшись, и тут же ядовито улыбнулась. – Очень зрелая позиция, брат. Даже не понимаю, как кто-то столь зрелый может до сих пор быть безработным и жить с родителями.

– Ну, пожалуйста, давайте не будем, – попросила Маргарита и посмотрела на сына. – Фил, ты же знаешь, здесь твой дом, и мы рады тебе!

– Говори за себя, – парировал Роберт, но Фил его словно не услышал и тепло улыбнулся матери.

– Люблю, как ты врешь, мам, – сказал он нежно, с ноткой горького сарказма.

– Конечно, любишь. – Кристина с сосредоточенностью хирурга намазывала апельсиновый джем на тост. – Талантливые вруны всегда ценят хорошую ложь.

Роберт почувствовал подступающую мигрень.

– Дам сто долларов тому, кто сменит тему.

– Продано! – обрадовался Фил и, немедленно включив парня – «душу компании», светски спросил: – Едете в отпуск в августе?

«Нет», – отрезал Роберт в ту же секунду, как Маргарита сказала «да». Супруги недоумевающе переглянулись.

– Вообще-то, мы это еще не обсуждали, – осторожно начала Маргарита (а она все разговоры о путешествиях всегда начинала очень осторожно и издалека), – но я тут увидела одно волшебное место, которое я безумно хочу увидеть. И я подумала, что это была бы классная идея для нашей годовщины...

– Наша годовщина в январе, – заметил Роберт.

– Это годовщина свадьбы, а я говорю о годовщине знакомства.

– И что же это за место? – поинтересовалась Кристина.

– Называется Playa Del Amor, – сказала Маргарита, кивая в сторону плаката желаний, который представлял собой огромный коллаж красивых картинок и вот уже много лет украшал стену в гостиной. – Удивительное место, правда? Это тайный пляж любви на одном из мексиканских островов.

Картинка пляжа и правда поражала воображение: огромный зеленый купол почти полностью накрывал прекрасный пляж, купаясь в голубых водах, ты оказывался под тенистой крышей, словно горы решили стать гигантским зонтиком от палящего солнца. Попасть на этот диковинный пляж можно было только по воде, проплыв довольно длинный грот. Маргарита светилась изнутри, разглядывая эти фотографии, но остальные члены семьи не разделяли ее энтузиазма.

Кристина скептически закатила глаза.

– Опять пляж? Мам, ты серьезно? Ты ж только в апреле была на Мадагаскаре.

– Вообще-то, на Маврикии.

– Да какая разница? Те же яйца, только в профиль.

– Ну да, я люблю пляжи, – попыталась оправдаться Маргарита. – Океан меня вдохновляет.

– Мам, да ты даже не плаваешь! – напомнил Фил. – Во сколько тебе встала поездка на Маврикий? 300–500 тысяч? И ради чего? Чтобы сидеть на берегу и пялиться на воду?

– В кои-то веки я с ним соглашусь, – призналась Кристина, – это тупость. Я понимаю, если бы ты была серфером или дайвером, ну или просто любила купаться. Но ездить на другой конец света ради сидения на берегу – это как ходить в «Макдоналдс» ради морковных кусочков.

– Да все эти пляжи одинаковые! – горячо поддержал Роберт.

Это была давно наблевшая тема. Он ненавидел тропики. Жару. Антисанитарию. Москитов и песок, чертов песок повсюду. Недолюбливал туземцев, этих странных людей, которые в XXI веке до сих пор жили, руководствуясь гороскопом, а не здравым смыслом. Ненавидел живописную нищету Азии. Его манила Европа с волшебной архитектурой, насыщенной

и достойной внимания историей, впечатляющим сервисом. А жена снова и снова тащила его в страны третьего мира, потому что считала, что ему не помешает расслабиться. Но все эти вожденные маршруты дауншифтинга лишь плавил его рассудок под беспощадным солнцем и превращали его в злобного и отупевшего от жары дауна. Он не понимал, как нормальный человек может платить деньги за это издевательство. И не понимал, как он, будучи человеком нормальным, снова и снова подписывался на эти скитания по тропическим островам.

– Гребаная мечта дауншифтера, – простонал он, вспоминая их последнюю поездку на Маврикий, где даже в пятизвездочных отелях выбор еды ограничивался тремя-четырьмя не особо вкусными блюдами. – Все эти тропики на одно лицо. Ничего в них нет, нечего там делать. Нет ни культуры, ни архитектуры, ни достопримечательностей. Ничего, кроме проклятой жары, песка в трусах, торговцев барахлом, так и норовящих тебе что-то втюхать на пляже, и потенциальной меланомы.

Кристина и Фил буквально покатались от смеха. Роберт свято верил, что умеет быть грозным человеком и наводить страх и трепет на окружающих. Но на деле чем больше он злился, тем забавнее выглядел со стороны.

– Пап, ты меня убиваешь, – хохотала Кристина. – После почти тридцати лет брака ты так и не понял мамин lifestyle.

– В смысле все эти чакрооткрывательные, веганско-тантрические, будда-поклоннические, його-астрологические поиски души? – поддакнул Фил. – Черт, если так посчитать, вся эта чехарда с личностным ростом стоит больше, чем я мог бы пробухать, снюхать и проиграть в казино!

Они смеялись, не замечая, как гаснут глаза Маргариты, как сутулятся ее плечи, как меркнет ее натянутая улыбка. Она встала под предлогом, что ей нужно унести тарелки. Никто не обратил внимания, что она вышла из комнаты. Последнее, что донеслось до огорченной Марго, – это саркастический голос дочери:

– Так ты поедешь с ней на этот Плайя-дель-Амор?

– В Мексику? – скептически переспросил Роберт. – Уж лучше смерть...

И они снова рассмеялись...

Вечером Роберт с Маргаритой собирались в гости к друзьям.

В загородном доме из красного кирпича должно было собраться несколько таких же благополучных пар, как они сами. У всех уже взрослые дети. У всех солидные или просто интересные творческие должности и трехлетний Шенген в паспорте. Все выезжают за границу не менее шести раз в год, отдавая предпочтение старой доброй Европе (для Азии, Африки и Латинской Америки они все, за исключением Марго, разумеется, уже считали себя слишком взрослыми и слишком комфортазависимыми). Все ездят на седанах бизнес-класса, причем в каждой семье минимум две машины. Ни у кого нет обременительных долговых обязательств, неразрешимых бытовых проблем или несбывшихся мечтаний, о которых бы они вспоминали или жалели вслух.

И тем не менее... тем не менее что-то в их компании было не так. И Роберт, не обладая особой интуицией, это чувствовал. Всю свою жизнь он и его друзья посвятили важной миссии – «созданию стабильности». И вот на пороге пятого-шестого десятка миссия была выполнена на сто процентов.

Хорошее жильё (например, Роберт с Маргаритой жили в трехэтажном таунхаусе в закрытом благообразном поселке). Выплаченная ипотека. Дети пристроены в хорошие вузы. Машины не старше трех лет. Со здоровьем пока – тьфу-тьфу – никаких проблем. На работе уважают и ценят, и выражается это не только на словах и в отношении, но и в размере зарплаты и ежегодных бонусов. Деньги – приличная сумма, разбита на разные валюты и хранится в нескольких надежных банках (а уж в том, что они надежные, ты не сомневаешься, ведь одна из подруг жены работает во Внешэкономбанке уже сто лет и в курсе всех подводных течений).

Словом, впервые в жизни они все достигли рубежа, когда беспокоиться, похоже, больше не о чем. Но вместо долгожданного покоя, гармонии и смакования благодатных дней к Роберту почему-то пришла беспросветная тоска, сменяемая дикими, ледящими душу приступами страха. Умом он понимал, что для тревоги нет причин. Ведь у него все – да-да, все – под контролем! Настолько, насколько человек вообще может что-то контролировать в этом трижды безумном ненадежном мире.

Не было причин и для депрессии. Ведь в жизни его, Роберта, устраивало абсолютно все, начиная с ортопедической и очень мягкой кровати на пульте с шестью массажными режимами (которыми он, впрочем, никогда не пользовался), заканчивая его женой и детьми, которые, помотав положенный срок его нервы, наконец-то более-менее остепенились, успокоились и начали исправно играть отведенные им в его жизни роли.

Так что для депрессии причин не было. А депрессия была. И что с ней делать, он не знал. Отчасти он испытывал облегчение, глядя на своих состоявшихся друзей: врачей, юристов, арендаторов, подрядчиков и банкиров. Казалось, они тоже чувствуют себя не в своей тарелке теперь, когда все цели достигнуты, все вершины покорены и бороться больше не нужно.

Но они не подавали виду, что что-то идет не так. И вместо бессмысленных самокопаний предпочитали свято следовать заведенному протоколу: собираться по пятницам на ужин с вином и итальянскими блюдами, ругать популярные курорты за обилие русских и летать на выходные в Прагу, заниматься фитнесом (реже йогой) и дотошно проверять калории, единицы жира и сахара, прежде чем купить что-то в супермаркете, презирать телевидение, ремейки и сиквелы популярных фильмов, поп-культуру и узнавать все новости преимущественно из фейсбука¹ или твиттера англоязычных СМИ.

Роберт никогда не делился своими мыслями с женой. Во-первых, считал неприличным жаловаться женщине на свою беспричинную апатию. Но, главное, он просто не верил, что Маргарита сможет его понять. В отличие от них всех у нее-то как раз с каждым годом жизнь, казалось, становилась все более и более интересной и насыщенной.

Сначала она уезжала медитировать на Бали и через месяц уже спокойно клала ноги за голову в какой-то причудливой и не вполне пристойной асане. Потом она вернулась и организовала что-то вроде женского клуба по интересам.

Вначале каждый месяц, а потом и каждую неделю она устраивала самые разнообразные вечеринки: сегодня дегустация цейлонских чаев, а в другой раз мастер-класс по take up от ведущего визажиста, сотрудничающего с глянцевыми журналами, потом курсы тосканской кухни (повар специально прилетел на weekend из Флоренции), а на следующей неделе уроки эротических танцев.

Вечеринки были разными, но всегда веселыми, неформальными и оригинальными. Так Маргарита за год построила маленькую event-империю, и в их скучном городишке забурлила жизнь. Она летала в Марокко за причудливыми лампами, коврами и прочими восточными прибабасами, а потом устраивала аукцион.

Она достигала просветления на Непале, чтобы потом собрать всех желающих и показать, как правильно медитировать. Она фотографировалась с растекшимся макияжем в мужском смокинге на голое тело в заброшенных питерских дворишках, чтобы через неделю все женщины клуба умоляли ее привезти этого питерского фотографа и устроить им такую же фотосессию. И казалось, что Маргарите не сорок семь, а двадцать семь. И все самое интересное в ее жизни только начинается...

В тот вечер Роберт любовался, как она тщательно укладывает свои медного цвета волосы в мягкие голливудские волны, как сосредоточенно наносит абрикосовые румяна на скулы, и понимал, что, несмотря на внешнюю обстоятельность, мыслями жена где-то далеко. Обычно

---

¹ Организация признана в РФ экстремистской и запрещена.

он не приставал к ней с расспросами о ее настроении и чувства. Но в кои-то веки ему стало любопытно, о чем она думает. Может ли она испытывать то же, что и он? Смесь скуки и вялой надежды на то, что этот вечер внесет хоть какое-то разнообразие в их благоустроенное болото предсказуемости.

– Ты вообще хочешь ехать? – спросил он жену как бы невзначай, но взгляд его испытующе впился в ее лицо. – Может, хочешь остаться дома?

– Да нет, наверно, – отозвалась она рассеянно.

Роберт невольно усмехнулся:

– Ты понимаешь, что только русская женщина может использовать слова «да», «нет» и «наверно» в одном ответе? «Да нет, наверно». Что это за ответ вообще? Кто его придумал? Представляешь, если бы американец в ответ на вопрос «Хочешь кофе?» сказал «Yes, no, maybe»?

Маргарита согласно улыбнулась, но промолчала.

– Нам, в общем-то, не обязательно ехать, – сказал он, хотя сам уже был полностью одет (серый спортивный пиджак, джинсы, рубашка без галстука) и ждал, только когда жена наконец определится с выбором платья и туфель к нему.

– Да ладно. Можно и съездить. Я уже накрасилась в принципе.

– Ну да... – Роберт потянулся было за початой бутылкой коньяка, чтобы скоротать ожидание, но вспомнил, что ему садиться за руль.

Конечно, можно было бы уступить эту честь Маргарите, но он знал, что она не любила возить его как пассажира. И в принципе готов был признать, что как пассажир был слишком придирчив и невыносим.

Когда Маргарита вела машину, он тут же превращался в помесь брзжащего старого инструктора по вождению и штурмана раллийных гонок: то долго, иронично и самодовольно отчитывал ее за необъеханную яму, то требовал, чтобы она «втопила как следует и обогнала этого козла», а еще закладывала крутые повороты, не оттормаживаясь, как подобает пилоту «Формулы-1».

Короче, спустя десять лет постоянных ссор на автомобильные темы они оба пришли к выводу, что для всех будет лучше, если Маргарита никогда не будет возить Роберта, и особенно выпившего Роберта.

Спустя несколько лет практики Роберт убедился, что система работает. Поразительно, скольких проблем в семейной жизни можно избежать с помощью простых, казалось бы, фокусов.

Он посмотрел на часы. Оглядел себя в зеркале. Отправился в гардеробную, чтобы все-таки добавить к своему образу галстук. Не то чтобы он так любил их. Просто бессмысленное ожидание действовало ему на нервы. Сосредоточенно перебрав несколько вариантов, он остановился на баклажановом и темно-синем.

На вытянутых руках он принес их Маргарите (которая снова забросила сборы и, присев на край кровати, увлеченно что-то читала на экране своего мобильного), и буквально сунул ей под нос.

– Фиолетовый или синий? – спросил он, пытаясь вырвать ее из мечтательной прострации. Жена, впрочем, не подняла на него глаз.

– Фиолетовый... или темно-синий... Любой подойдет.

– Все в порядке? – уточнил Роберт, потихоньку закипая.

– Да. – Она скользнула по нему рассеянным взглядом. – Я просто читаю.

– Что-то стоящее? – сымитировал интерес Роберт.

– Прощальное письмо Габриэля Гарсиа Маркеса... Хотя, вообще-то, это написал Джонни Уэлч. Вот, послушай...

– «Если бы Господь Бог на секунду забыл о том, что я тряпичная кукла, и даровал мне немного жизни, вероятно, я не сказал бы всего, что думаю; я бы больше думал о том, что говорю.

– Я бы ценил вещи не по их стоимости, а по их значимости.

– Я бы спал меньше, мечтал больше, сознавая, что каждая минута с закрытыми глазами – это потеря шестидесяти секунд света.

– Я бы ходил, когда другие от этого воздерживаются, я бы просыпался, когда другие спят, я бы слушал, когда другие говорят.

– И как бы я наслаждался шоколадным мороженым!

– Если бы Господь дал мне немного жизни, я бы одевался просто, поднимался с первым лучом солнца, обнажая не только тело, но и душу.

– Боже мой, если бы у меня было еще немного времени, я заковал бы свою ненависть в лед и ждал, когда покажется солнце. Я рисовал бы при звездах, как Ван Гог, мечтал, читая стихи Бенедетти, и песнь Серра была бы моей лунной серенадой. Я омывал бы розы своими слезами, чтобы вкусить боль от их шипов и алый поцелуй их лепестков.

– Боже мой, если бы у меня было немного жизни... Я не пропустил бы дня, чтобы не говорить любимым людям, что я их люблю. Я бы убеждал каждую женщину и каждого мужчину, что люблю их, я бы жил в любви с любовью.

– Я бы доказал людям, насколько они не правы, думая, что когда они стареют, то перестают любить: напротив, они стареют потому, что перестают любить!

– Ребенку я дал бы крылья, но позволил бы самому научиться летать.

– Стариков я бы научил тому, что смерть приходит не от старости, но от забвения.

– Я ведь тоже многому научился у вас, люди.

– Я узнал, что каждый хочет жить на вершине горы, не догадываясь, что истинное счастье ожидает его на спуске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.